

Воспоминания о «Церкви Христа» Кипа Маккина

Осознание смерти

В детстве в своей атеистической семье я почти не слышала от родителей о Христе, о Боге. О Нем не говорили, сообщив мне только, что религия – это выдумки. Позже, в советской школе, куда я поступила учиться в 1982 году, я узнала, что религия еще и вредна, что это злостный обман трудового народа, а истину несет простым людям Коммунистическая партия. Рядом с моей школой был Князь-Владимирский собор. В это таинственное место иногда мне хотелось зайти, хотя и было страшновато. Но тем сильнее хотелось, чем свирепее наша по-человечески очень несимпатичная учительница клеймила религию, церковь и верующих. В большой комнате нашей квартиры, над родительской кроватью, как ни странно, висело деревянное распятие. Я не знаю, почему оно там находилось. Изображение Господа Иисуса Христа с пронзенными руками и ногами, с каплями крови на них, в терновом венце запечатлено зрительно в моем сознании с детства. Но почему-то я совершенно не помню, чтобы я интересовалась у мамы с папой, Кто это, а сами они ничего не поясняли. Представления о мире у моих родителей были обыкновенными, согласными с государственной доктриной: с умеренной верой в светлое будущее, в наступление коммунизма. Умеренной, потому что фанатизма никакого не проявляли и позже я поняла, что родители, конечно, и в атеизме, а тем более - в коммунизме - тоже не были по-настоящему утверждены, скорее, они были идеологически индифферентными, а нам, детям, преподносили официальную точку зрения, чтобы было что отвечать на наши вопросы о жизни. Причем, когда мама мне объяснила, что все люди умрут, и я тоже когда-то умру, меня охватил ужас. Я в это поверить никак не могла, именно представить не могла смерть, и все приставала к маме, как это - я умру. Куда я тогда денусь? Как это - меня не станет? Позже, читая описания детских чувств, связанных с осознанием смертности, у других, я удивилась, как похожи мои впечатления на подобные же у посторонних мне людей. Да, точно так же, как и многие люди, я не могла "вместить в себя", как это я исчезну совсем? Это казалось непостижимым - и очень страшным. Именно поэтому, помню, я плакала по ночам. Смерть как прекращение бытия меня страшила безмерно, я ощущала, что это дикая бессмыслица – ведь я есть, куда же я потом денусь? В общем, уже тогда, в раннем школьном детстве, я не поверила в смертность собственной души. Наверное, это и есть начало какого-то религиозного самоощущения.

Впоследствии эти чувства притупились, я перестала думать о смерти, а уж тем более - о Боге, Которого и имени-то не знала. Иисус Христос для меня был лишь историческим персонажем. А в школе у нас был очень колоритный историк – Аарон Вениаминович его звали. Сердитый дедушка, все лицо в шрамах, очень злобно и ехидно высмеивающий христианство как «религию рабов» на уроках по истории Древнего мира.

В старших классах другой школы, ибо мы переехали, и я сменила место учебы, Благая Весть до нас была донесена в следующей форме. К нам приехали американские проповедники, рассказали о Христе, о Евангелии, выступив в актовом зале школы. Старшеклассники слушали, а потом получили в подарок маленькую книжку в голубой обложке – Евангелие и Псалтырь, изданную Гедеоновыми братьями. Это была моя самая первая Библия. Был конец 80-х и конец целой эпохи. И уже тогда я что-то попыталась из Евангелия прочесть, но, конечно, увязнув в родословии в начале Матфея, первая попытка так ни к чему и не привела. Однако подумала, что все-таки я во что-то такое верю, уж очень мне понравились слова тех протестантов. Во всяком случае, мне больше хотелось верить, чем не верить.

Открытие, что Бог существует

К Православной Церкви я начала присматриваться благодаря русской классической литературе, которую в старших классах нам преподавали замечательные, чудесные учительницы. Одна из них, проучив нас год, эмигрировала из страны, на ее место пришла другая, ее подруга. Обе они были прекрасными педагогами-словесниками и по-настоящему интеллигентными, тонкими людьми. Тем более они умели преподавать подросткам, могли дать нам очень многое - и не только в интеллектуальном, но и в душевном смысле, и обе стали для большинства нашего класса любимыми учительницами. Могу сказать за себя - именно каждой из них я обязана интересом к духовной жизни. Ведь не увидеть Православия, сияющего из каждой книги русских писателей XIX века, просто невозможно. Да и XX тоже, так как мы изучали "Мастера и Маргариту" по инициативе учителя, после чего я "влюбилась" в Иешуа, хотя, конечно, понимала даже тогда, что это не точное изложение жизни Иисуса Христа, а авторский пересказ. В результате прочтения «М и М» возникло желание сверить то, что написано у Булгакова, с тем, что написано о жизни Иисуса в Евангелии. Преподавали нам не покоммунистически, не навязывали искусственные идеологические построения, а учили видеть произведение глазами автора, понимать самих героев и их чаяния, стремления, страдания... А также мыслить ассоциативно - искать подобные мысли, факты, идеи в других произведениях, возможно, других эпох.

В то же время я начала общаться с другой молодой женщиной, тоже преподавателем русского и литературы. Она была недавно обращенной православной, очень ревностной неофиткой. У нее было четверо детей, ходила она в храм на Каменном острове. Именно она познакомила меня с православной литературой, житиями святых, очень активно проповедовала мне. Поскольку эта женщина была пылкой новообращенной, ее строгость и требовательность к себе и другим, ригористичность и стремление к аскетизму граничили с фанатизмом, но она не могла не оказать на меня определенного влияния.

Потом вдруг, в начале 90-х некоторые знакомые ровесники начали креститься. Мне сначала это было непонятно, казалось, что это просто мода такая, вот народ и поскакал в храмы принимать Крещение. А за модой следовать мне всегда было неприятно - сохранять свою индивидуальность казалось очень важным.

Нравственное падение

Необходимо, хотя и не хочется, сказать несколько слов об особенностях моей личной жизни в тот период. Ибо без этого будет непонятно, от чего я бежала, ища Бога, и чего боялась. Дело в том, что лет с 13 я начала впадать в свойственные этому возрасту искушения. Принципиальная девочка с довольно резким характером - и в то же самое время (странное противоречие), весьма бесхарактерная, что касалось желаний понравиться людям, очень закомплексованная и неуверенная в себе. Начались первые влюбленности, свидания, ведь «душа ждала кого-нибудь». Мне нравилось быть привлекательной для мальчиков, что понятно и естественно для этой девической поры. При моей дикой неуверенности в себе открытие, что нравиться я могу, сильно изменило мою нравственную позицию. Также мне нравилось притворяться, казаться очаровательным наивным ребенком (особенно перед мамой), хотя уже таким по совести я не была, а была довольно испорчена, пусть и не до полного падения. Мысль о том, что есть у меня жизнь тайная и явная, меня не расстраивала, а, напротив, очень возбуждала. При этом в чисто плотском смысле я оставалась еще невинной. То есть, я, привыкшая видеть себя искренней и чистой девочкой – этаким Наташей Ростовской, - уже никак до нее по своему образу мыслей и поступков не дотягивала. (Хотя и у Наташи был грешок по молодой дурости, в чем, видимо, мы с нею оказались в итоге схожи). Я была барышней

очень романтической, довольно экзальтированной, с идеалами и склонной к восторженности. Ни к каким молодежным субкультурам никогда не принадлежала, к вредным привычкам, к счастью, не пристрастилась, разве что покурила с девчонками раза три, желая показать свое бесстрашие. В школе и в лагере, где прошло мое детство, у меня были очень разные в социальном смысле компании. В школе ребята все-таки были более "цивильные" и культурные, из более-менее благополучных семей. Повезло с классом.

А в лагере, который я обожала и который многое значил в моей жизни, компания была попроще: некоторые девочки уже жили половой жизнью с мальчиками к 15 годам, что заставляло меня чувствовать некую свою "ущербность". Это напрямую связано с комплексами и с ложным пониманием собственной ценности, но разве тогда это осознавалось? Мне не хотелось отставать от «продвинутых» в любовном смысле девчонок, ну чем я хуже? Сложно понять, что меня влекло к этому опыту, и на кой он был мне нужен. Ведь в нем самом по себе нет смысла. Для меня это был и правда серьезный вопрос: ведь я была довольно долго убеждена, что все в жизни должно быть честно и чисто. Идеалы, опять же. Безо всякой религии это убеждение мне привила мама: терять девство - только в браке, жить с одним мужем и никогда не изменять, рожать детей. Эти идеалы были красивы и тверды. Да и детей я обожала с детства и очень их всегда хотела! Да только в тот злосчастный период с 15 до 16 я почему-то мучилась от желания идеалам своим изменить. Опыняющее желание "перестать быть хорошей девочкой" меня прямо-таки жгло. Сегодня я понимаю, что называется это древним словом "искушение". И что не я первая, не я последняя, кто в юности переживал нечто подобное. Подливали масла в огонь слова тех совершеннолетних молодых людей, которые, скажем, пригласив меня на танец на дискотеке и узнав, что мне 14 или 15 лет, сразу теряли ко мне интерес. "Я бы поухаживал за тобой, но, прости, ты такая маленькая". А выглядела я взрослой девушкой, и мне хотелось, чтобы за мной ухаживали по-настоящему, принимали меня всерьез. Хотелось перепрыгнуть эту ступеньку, стать и в самом деле взрослой.

Странно все это вышло, но это привело меня к Крещению. Мне было 16 лет. Мальчик, с которым мы целовались в отсутствие взрослых в закрытой квартире, когда нам было по 13, а потом как-то разбежались в разные стороны, опять стал мне странно близок. Кстати, в 13 лет я даже считала его своей "первой любовью", что, конечно, было не так: не было там никакой любви, а одна благодарность за то, что он был первым, кто оценил меня как девушку. Но вот мы вновь сдружились, но не так, как прежде. Никаких романтических отношений между нами не было, мы просто дружили, по-человечески общались. Я его считала только другом, он и правда хороший человек, и был, и остается таковым. В разговорах случайно обнаружив, что я еще не познала взрослых отношений мужчины и женщины, он, помню, страшно удивился. И признался мне, что так вовсе не думал обо мне, потому что на его глазах я встречалась уже с несколькими разными - и взрослыми в том числе - парнями после нашего расставания. Надо же, подумала я тогда, обо мне можно такое подумать... С одной стороны, было приятно, что я внешне выгляжу иначе, чем есть на самом деле, ведь как раз к этому я и стремилась: быть тайной, чтобы голову ломали и знать не знали, что я есть такое. Но с другой стороны, я даже будто бы пожаловалась, что, вот, понимаю, как я отстала, да почему-то никак не получается у меня расстаться с дурацкой девственностью, да я и боюсь, да и как это вдруг, да мало ли чего... Меня тяготило мое целомудрие - хотелось чего-то лихого, смелого, отчаянного. Броситься в омут "взрослой жизни" - это смело. Так ли уж нужны мне были самые ощущения, которых, по юности лет, собственно, почти и не было?.. Одним словом, друг предложил помощь. По-дружески. Так мило. Сегодня, если отвлечься от нравственной стороны вопроса, я даже ему благодарна. Потому что первым моим любовником стал очень нежный и заботливый мужчина, которому я доверяла. Он не был первым встречным, не напугал меня. Все-таки, при активном стремлении к взрослой жизни, мужчин я побаивалась. А тут - настоящий товарищ, с которым у нас нет никаких взаимных обязательств, и который не причинил мне ни физической, ни нравственной боли.

Сегодня я только посмеиваюсь над нами обоими, тогдашними. И вижу, сколько лжи самой себе во всем этом было. А тогда у меня было головокружение от факта, что вот, свершилось "таинство" - я тоже приобщилась к ним, взрослым, лихим и смелым. Я тоже это сделала! Я уже не какая-то глупая ничего не понимающая девочка, а дерзкая женщина, знающая, в чем суть любви. Все это глупость - никакой "сути любви" ощутить я тогда вовсе не была способна. Это был исключительно акт протеста против самой себя. Так запутана я была. Помню, мой заботливый дружок сказал мне полушутливо-полусерьезно: "И больше этого ни с кем не делай!"

И через три дня он же отвел меня креститься.

Крещение

В Князь-Владимирском соборе я крестилась в 16 лет. Именно в нем, потому что он находится на улице Блохина, рядом с моим родным домом, где я родилась и прожила первые 11 лет. Петроградка – моя малая Родина, место постоянных прогулок и воспоминаний о детстве. Но прихожанкой этого храма тогда я не стала. Вообще я мало что поняла. В то время - в 1991 году - никакой подготовки, катехизации или испытания моих намерений не производилось. По крайней мере, у меня его не было. Понимаю, что принять Крещение меня более всего заставила больная совесть. Ведь я согрешила, и мне это было ясно. Мне хотелось "смыть", с себя грех. Я наивно надеялась, что, уступив один раз своей похоти или, скорее даже нетерпению, стремлению испытать неиспытанное, я смогу успокоиться. Вот крещусь - и точно смогу развернуться от прежней неправильной жизни. И буду очень хорошая, чистая, правильная. Не знала я ни сути православной веры, ни Библии не читала, ни одной молитвы, кроме, может быть, "Отче наш", которую выучить не так сложно. Что от меня требуется, как именно надо жить иначе, какие практические шаги для этого следует делать, какую роль в этом может играть церковная община, - ничего этого я не узнала. Или мне не сказали. Многие мои знакомые так и крестились - они приходили, совершали обряд, и уходили, более уже в Церковь не возвращаясь. Думая, что этого достаточно. Все это было не так, не то, но именно так, как я описываю, это и случилось. Выходя из ограды Князь-Владимирского собора, помню, мой горе-крестный сказал мне: "Вот теперь ты чистая-чистая, аки горлица".

Впадение в смертные грехи

Надежда на исправление быстро растаяла. Тем же самым летом, 16-ти лет, после выпускного в школе, мы поехали с подругой на Украину, к моим родственникам. Там в меня влюбился тамошний парубок, только что вернувшийся из армии и очень быстро склонил к сексуальным отношениям. Вернувшись через месяц домой, я обнаружила, что беременна. В вуз после школы поступить мне не удалось, и я пошла на год в ПТУ, получать специальность секретаря-машинистки. Осенью мне пришлось признаться маме в своем печальном положении. Страшнее этого трудно что-либо вспомнить. И разочарование мамы, и ее, как мне тогда казалось, брезгливость и ужас, что я оказалась такой, и мой ужас и отвращение к самой себе. И страх от мысли, в какой ловушке я оказалась, и ненависть к тому хлопцу, которого я даже не любила, а просто уступила, польщенная его вниманием. Мама настояла на аборте. Я была несовершеннолетней. Долгое время после этого я пыталась разобраться – кто же виноват в моем смертном грехе: я или мама? Я всерьез обвиняла в своем сердце маму, которая не разрешила мне родить этого ребенка. Да, к виновнику моего положения я испытывала только отвращение и ненависть, но ребенок... В чем он виноват? Ведь я всегда с великой нежностью относилась к детям, любим, я могла бы принять дитя и с радостью его воспитывать. Но это легко сказать.

Моя мама сама прожила очень нелегкую жизнь, да и опыт жизни в атеистическом СССР, где аборт считался средством предохранения, видимо, не позволил ей принять другого решения. Она просто не видела вариантов. Ведь я тогда еще не обеспечивала сама себя – не могла моя мама взвалить на себя этот крест. Хотя она сказала, что это только ради моего будущего, как я ни рыдала, утверждая, что это – убийство. Да, я уже знала, что искусственное прерывание беременности – это убийство, не была согласна с мамой, утверждавшей, пожимая плечами, мол, "это же еще не ребенок, а так, клетки". Страх Божий был с одной стороны, и ужас перед необходимостью покориться маме, с другой. Но я не была смелой. Вся моя удача, к которой я так стремилась в своей борьбе с целомудрием, тут же испарилась: я была жалкой и сломленной. Позже, исследуя свою совесть, я признала, что, будь я более твердой, то бы просто не сказала маме о ребенке, поступила бы по-настоящему дерзко против нее, но покорила бы Богу: и платила бы за свой грех не убийством невинного ребенка, а тем, что взялась бы воспитывать его. Но я не смогла. Понимала, что мама меня содержит, испытывала огромную вину перед ней за свое распутное поведение – и не смогла. Так произошло уничтожение того, кого я всегда ждала и заранее любила. Моего ребенка.

Мне казалось, что смертный ужас, который я испытала, удержит и исправит меня от порочной жизни. Но недолго я воздерживалась. Я вновь начала встречаться с молодыми людьми, ходить на свидания. И, странное дело, если раньше, до грехопадения, мне было довольно легко удерживать наши отношения на целомудренном уровне, ограничиваясь поцелуями и объятиями, то теперь это стало невозможно. Рационально мне сложно это объяснить – не могли же они знать о моей "испорченности"? Но они словно знали, чувствовали. И все кончалось тем, что я уступала их желаниям, хотя мне вовсе это было не нужно. Долго я пыталась впоследствии понять и объяснить себе, почему это так происходило. Почему невозможно было "вернуть назад" и вновь жить так, словно я чиста и целомудренна? Почему моих сил на это не хватает? Ведь я ни за кем не бегала, никого не соблазняла, но это постоянно делали со мной, а у меня не было душевных сил сказать твердое «нет». И я плыла по течению. Наверное, это очень банальная история и, конечно, очень грустная. Отношений длительных не было, настоящей любви или страсти – тоже. Вернее, я вызвала эту страсть в одном мальчишке, он любил меня еще со школы, упорно и тяжело, даже тяготил этим, так как мне было скучно с ним, я не знала, о чем с ним говорить. Но до тех пор, пока я отказывала ему в утолении его юношеского желания, он не мог от меня отступить. Когда же возжеленная награда была ему пожалована, довольно скоро утихла и его страсть. Я тогда читала много книг, но к сегодняшнему моменту их прочитано больше, и теперь я уже знаю, что это совершенно естественно для юношей. Когда мечта перестает быть недостижимой – это уже не мечта; и чувство, если оно было только страстью, быстро утихнет. Таким образом я прожила еще один год до 17 лет. Совесть меня постоянно мучала в связи с блудным грехом, и мне очень хотелось все-таки начать жить иначе. И вот, Бог, похоже, начал готовить меня к встрече с Ним. Потому что мне удалось отказаться от блуда. Я так и заявила мальчишке-курсанту Академии имени А. Ф. Можайского, с которым тогда встречалась, что не хочу этого больше. Он не спорил, и наши отношения довольно скоро после этого сошли на нет. Я в это время работала машинисткой в «можайке» и поступила учиться на библиотечный факультет в Академию Культуры (теперь «кулек» вновь переименован в Университет).

Покаяние и «истинное крещение» в ЦХ

В самой середине лета я переходила Каменноостровский проспект возле станции метро "Горьковская", по своему обыкновению, не слишком аккуратно, игнорируя "зебру". И – едва выскочила из-под колес машины, сердце колотилось, было страшно. И вдруг в голове возникла мысль, что я могла бы сейчас уже быть мертва, если бы не была так проворна или водитель не был так искусен. Мысль эту помню. Пройдя несколько шагов, я

встретила на дорожке Александровского парка двух девушек, моих ровесниц. У них были сияющие огромные глаза, круглые милые лица, они радостно улыбались во весь рот. Девушки пригласили меня изучать Библию. Интересно – мне? Конечно! Библию я читала совсем немного, и мне очень было интересно. Хотя до этого я уже отвергла подобное предложение сокурсницы по ПТУ, которая ходила к Свидетелям Иеговы. И девушка-харизматка из «кулька» звала меня на собрание. Почему-то не хотелось. А вот к этим девушкам в парке меня сразу потянуло. Они как раз шли на какую-то свою встречу большой компанией. Сказали, что на пикник, на Петропавловку. И я пошла с ними.

На пляже Петропавловской крепости сидели небольшими группками, стояли или играли в мяч ребята и девушки студенческого возраста. Они были веселы и раскованы, были какими-то мирными, добрыми и расслабленными. Я никогда не была в движении хиппи, но симпатизировала ему издали, хотя внятного представления о нем у меня нет, только по фильмам и красивым песням. Так вот эта студенческая тусовка чем-то напомнила мне хиппи, правда, только сначала. Расслабленность и мирность, слегка равнодушное дружелюбие, а также – что немаловажно сказать – они "пахли" не по-советски. Да, уже был 1993 год, и СССР был в прошлом, но я была воспитана все-таки в нем. Таких огромных тусовок с возлежанием на траве, веселым смехом, общением и английской речью – там было несколько американцев – я не видела, и тем более в них не участвовала. Это очень привлекало. Казалось, они знают что-то такое, чего не знаю я, что делает их такими веселыми, мирными и расслабленными. Все здесь друзья, каждый каждому – не чужой человек. Совершенно обалденное чувство, которое сразу же пленило меня. И, конечно, проведя с ними в общении этот вечер, я согласилась прийти на собрание изучать Библию. Это была Санкт-Петербургская Церковь Христа, а возглавлял или "вел" ее тогда Дерик Ветт со своей очаровательной супругой Ли-Энн. Они были молоды, лет по 25, бесконечно обаятельны, улыбки и радушны. Английского я тогда не знала вовсе и общаться не могла. Но Ветты уже учили русский и довольно неплохо пользовались разговорными фразами. Многие студенты знали язык, были переводчики и переводчицы. На собраниях всегда шел синхронный перевод, когда Дерик выступал. Придя в ближайшее воскресенье на их собрание, я опять была ошеломлена. Происходило действие в ДК им. Горького на "Нарвской". Сначала – пение, причем хор поет на сцене, а весь зал дружно подпевает, с прихлопыванием руками и танцевальными движениями. Внешне напоминает веселый негритянский госпел. Песенки очень примитивные, некоторые плохо переведены на русский, но мне все понравилось. У всех приподнятое, счастливое настроение. Все радушны, словно им дико важно, что ты пришла, и кто ты, и все безумно счастливы, что ты хочешь изучать Библию. Истинные *gentle people*, казалось мне: люди, излучающие добро. В них я вижу свет, они несут любовь. Ведь все это так просто. Не мудрствуя, не сопротивляясь, да и нечем было мне крыть из-за полной религиозной и философской безграмотности, я приняла всем сердцем их бесхитрое учение, пройдя несколько "занятий по Библии", так называемых «Первых принципов христианства». А говоря по-православному, катехизацию перед Крещением, подготовку. Оказывается, Бог задумал все прекрасно и очень просто. Каждый человек должен стать учеником Христа. Это Его цель, ведь именно об этом Сам Христос сказал после Своего Воскресения, перед расставанием со Своими учениками-апостолами: *"Итак, идите, научите все народы, крестя их во Имя Отца и Сына и Святого Духа и уча их соблюдать все то, что Я заповедал вам"* (Мф. 28:18-20). Это центральная мысль всего первого занятия, которое называется "Что значит быть учеником" и проводится в ЦХ с желающими креститься. Ученики должны делать учеников – таков план Бога. Апостолы были обязаны делать других такими же, как они, "уча соблюдать все", так говорит Библия. А раз это так, то Бог хочет, чтобы каждый из верующих в Него людей проповедовал и спасал погибающих. Это наша цель, наш крест и должно быть нашим самым главным ежедневным и ежечасным стремлением, а без этого угодить Богу невозможно. Не проповедовать, не миссионерствовать – грех себялюбия и лени, такие люди не будут спасены, потому что не

выполняют заповедь Христа учить и обращать к Нему людей. И если все мы будем так действовать, то мир будет обращен в одном поколении! Вот какие великие мечты у движения Бога! Помню, рисовалась даже схема – арифметическая прогрессия, чтобы убедить меня в реальности этого дерзкого плана, в котором и мне «посчастливилось» принять участие. Все это я узнала в первый же день после своего посещения собрания. Впоследствии со мной были проведены остальные занятия: "Слово Бога", "Свет и тьма", "Распятие", "Церковь". Все занятия старались провести за неделю или даже быстрее. В первый же вечер после собрания я приглашала людей в метро на следующее собрание совместно с другими учениками. Поверила, что сказанное в Библии касается меня напрямую, возразить на этот тезис мне было нечего, кроме отдельных мест, я не читала Священного Писания. После следующего занятия, посвященного изучению Библии, вывод должен был быть сделан такой: Библия – записанное Слово Божие. Ему необходимо подчиняться беспрекословно, так как написана она не людьми, а Богом. Люди – всего лишь инструменты, как авторучка, посредством которой Бог писал Свое Слово. А раз так, значит, каждое слово в Писании является богодухновенным и не может не иметь ко мне отношения. Я должна изучать Писание каждый день, чтобы знать его и действовать согласно Ему. Такая предельная искренность и открытость не могли меня не пленить. Мол, проверь нас, врем мы тебе или нет, читай Библию сама, и убедишься, правду ли мы говорим, как и написано в одном месте из книги Деяний, 17:11: *"здесь были благомысленнее фессалоникских и изучали Писание каждый день, чтобы убедиться, что Павел и Сила говорят правду"*. Ученики из церкви Христа пользовались современным переводом Библии, но порой и синодальным. Современный казался всем понятнее и проще, поэтому предпочитали именно его. Вот так, вникая в изложенные в тех занятиях отрывки, с интересом изучая Писание, я с каждым днем утверждалась в нехитрой истине этих протестантских проповедников. Кстати, слово, "протестантизм" не использовалось, так как ЦХ вообще не относилась к какому течению или деноминации. Они говорили гордо: "Мы – движение Бога, а все остальные – это мертвые человеческие движения. Ведь только у нас есть план – обратить мир в одном поколении!". В занятии "Церковь" отрывки были подобраны так, чтобы убедить человека в истине Единственной Церкви. Удивительная мысль: а ведь это 9-й член Никео-Царьградского символа веры, который знают все православные: *"Верую во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь"*. Эта истина, в самом деле, открывается нам в Священном Писании. Одна-единственная Церковь предстает перед нами на страницах Нового Завета. Та, к которой мы должны принадлежать по своему Крещению. Которая есть Тело Христово, в котором каждый из нас – Его члены. *«Вы уже не чужие и не посторонние, вы сограждане святым и свои Богу»* (Еф. 2:19). Занятие "Церковь" не случайно проводилось в заключение остальных подготовительных занятий, напрашивался вывод, который казался совершенно логичным: "Церковь Христа" есть Церковь Христова, она и есть Та Самая Церковь. Та, которую искала и по которой томилась моя душа. Самым страшным и пронизывающим насквозь мою совесть являлось занятие "Свет и тьма", в котором речь шла о грехах и о нашей отделенности от Бога, пока мы не раскаялись. О том, что раскаяние – это разворот ("метанойя" по-православному), тоже говорилось очень серьезно. Мало сказать, мало признать, надо перестать творить злое – и начать творить доброе. Иначе твое покаяние – никакое не покаяние. В Писании ведь очень много об этом: и о стене грехов, которую мы сами выстроили между собой и Господом, и о невозможности, будучи во тьме, увидеть свет. И о том, что, лишь родившись свыше, возможно разрушить эту стену, так как после исповеди при Крещении все грехи прощаются и ты рождаешься заново, совершенно чистый и безгрешный. *"Обновится, яко орля, юность моя"*, Пс. 102:5). Да, я переживала настоящую перемену. Удивительная святая книга Библия и в самом деле была тем "острым ножом", что резал мое сердце. *"Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него,*

но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет" (Евр. 4:12-13). И покаяние произошло: я и так уже сожалела обо всех своих тяжких и постыдных грехах, о которых трудно и говорить вслух, и от которых мне так хотелось избавиться. Выбросить их из своей жизни! Жить так, словно ничего этого и не было со мной! И вот только теперь, только здесь, в сообществе чистых и открытых, дружелюбных и любящих Бога всем сердцем людей, у меня наконец-то появилась надежда по-настоящему родиться свыше. 10-й член православного Символа веры гласит: *"Исповедую Едино Крещение во оставление грехов"*. Об этом и заговорили со мной сестры, проводившие занятия, что Крещение – необходимое условие прощения грехов, вхождения в Царство Божие и рождения свыше. Но ведь я уже крестилась, высказалась я. Мне объяснили "на пальцах", что то крещение было не истинным: "Скажи, а ты покаялась перед Крещением? Ты прекратила делать свои злые дела?" – "Нет, я только надеялась прекратить их делать". – "Значит, покаяния не было, потому что покаяние – это разворот, полная перемена и ума, и дел". Эта мысль меня ошеломила. Понятие "тайнств" мне было тогда не знакомо, и я поверила, что у Бога все "работает" так, исключительно юридически: дала клятву верности и проявила свою решимость, тогда обряд Крещения будет "действовать". Нет – значит, нет, пустые формы. Кроме того, очень важным мои новые друзья считали то, чтобы Крещение было совершенно "по Библии" – то есть, полным погружением под воду, ведь Крещение – это погребение. Умираем со Христом – воскресаем со Христом. Раз крещение мое не было Крещением, а было "обливанием водичкой", значит, я еще некрещенная, еще мертвая во грехах своих, еще не рожденная для вечной жизни. Язычница. Мне необходимо креститься. Вот что я поняла после прохождения занятий и посещения служб ЦХ, которую я уже искренне всем сердцем начала считать Церковью. Обращение среди учеников было подобно первохристианскому – все называли себя не иначе как "брат", "сестра", были полностью откровенны и искренни друг с другом. Стремилась совершенствоваться в любви и всячески служить друг другу и всем, в общем, "жить по Библии". Суть жизни в ЦХ, как я ее тогда поняла и то, что так возлюбила, – это "жить полностью по Библии". А такого предельного рвения в угождении Богу я, конечно же, не видела и не имела возможности увидеть в Православии или где-либо еще. Надо также сказать, что обращение мое произошло не только под влиянием эмоций и рационального объяснения Священного Писания, которому мне нечего было возразить. Был даже своего рода мистический опыт, если можно так его назвать. В зале ДК Горького, где мы тогда собирались, во время службы, сидя на своем месте и глядя по сторонам на многочисленных моих будущих "братьев и сестер", я вдруг почувствовала такой дивный, такой совершенный мир в своем сердце, какого не ощущала уже очень давно. Я почувствовала и увидела все вокруг в светлом золотом сиянии, мне было несказанно хорошо, словно моя душа говорила: "Ты в раю". Словами такие вещи выразить сложно, они выходят очень жалко и бедно, и не могут дать представление о том, что чувствуешь. Но я пережила сильное, памятное до сих пор ощущение сродни экстазу или состоянию расширенного сознания, насколько я могу предположить, ведь я никогда не принимала никаких стимулирующих мозг веществ. Мне было хорошо, я была счастлива, спокойна, умиротворена и уверена в своем пути. Главное – Бог простит мои грехи, и я начну новую жизнь. Я буду спасена. Вот так я и "крестилась" в ЦХ в 1993 году летом. Крещение было совершено очень романтично: полное погружение в Неву на берегу Заячьего острова, у стен Петропавловской крепости. Были произнесены слова: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа". Однократное полное погружение под воду. Позже, уже в Православии, я слышала вопросы, сколько раз нас погружали – однократно или троекратно, во исповедание Пресвятой Троицы, – к тем бывшим сектантам, которые не были окрещены в Православной Церкви, а крестились в ЦХ. Священнику требовалось понять, надо ли крестить их заново, или их крещение совершилось по вере во Христа и крещальная формула и обряд были исполнены правильно. Моя душа была наполнена счастьем,

ощущением вселенской любви и братства со всеми членами церкви. Я, наконец, поверила, что мои грехи прощены, и я спасена.

Фанатизм первых лет

Началась совершенно другая жизнь. Жизнь с двумя собраниями в зале и одним на улице в неделю. С плотным постоянным общением с братьями и сестрами. С "байбл-токами" и "дейтами". В то время мы еще так называли "беседу о Библии" и "свидание", даже не зная английского. Наши лидеры были американцами, поэтому в речь каждого ученика вошел и характерный акцент, и искаженная манера формировать предложения, словно мы не были русскими людьми. Но это все казалось неважным, даже наоборот, очень воодушевляло. Ибо, какое отношение имеет форма к тому, что мы выполняем самую важную работу на земле – спасаем погибающих! Каждый день ученик должен был "проповедовать" – то есть приглашать людей на собрания. У нас были пачки напечатанных приглашений, которые мы раздавали на улицах, заговаривая с людьми. Причем, стремились не просто всучить, но поговорить, обменяться телефонами, найти живой отклик. Цель – постоянно приводить новых людей. Кто приводил много, теми гордились, того хвалили и ставили в пример другим. У кого это не очень получалось, того дружески воодушевляли, но иногда и "делали вызов". Это странное выражение означает словесное порицание, призыв к изменению. "Покайся, брат, тебе нужно приводить гостей на собрания!", "Сестра, ты проповедовала сегодня?", "Это вызов для тебя, брат, стань отдающим!", «Бог работает, брат, ты просто должен доверять Богу!», "Сестра, где твои крещения? Молись, прими вызов, стань плодоносящей!" Идея о "плодоношении" – тоже из нашей "доктрины". В Евангелии от Иоанна 15 главе Иисус говорит, что Он – истинная виноградная лоза, а мы – ветви. И вот, всякую ветвь, не приносящую плода – понималось так, что всякого ученика, не приводящего людей и не делающего других учеников – Он отсекает и бросает в огонь. Категоричность и радикальность в толковании. И мы старались, приводили, учили и крестили, мня себя равными апостолам. Домашним своим я "проела мозг", проповедуя им свою новую истину, упорно приглашая на собрания и споря по каждому поводу. Поначалу, конечно, были ворчания и недоумения мамы, но потом она успокоилась. Да и я со временем оставила их в покое, так как и мама, и брат дали мне понять, что не придут. Хотя один раз мой брат все-таки посетил наше собрание. "Тихое время" – так называлось время нашего ежедневного изучения Библии и молитвы, которое каждый ученик был обязан проводить по утрам перед всеми своими мирскими делами. Обычно оно продолжалось около часа, если человек не успевал провести его утром, он его делал в тот же день, но позже. В ту осень 1993 года некоторые желающие собирались на "тихое время" в 10 утра по субботам в квартире у одного брата, на углу Площади Ленина и Боткинской. Мы вместе молились, взявшись за руки, изучали Библию, делились друг с другом мыслями. Это очень позитивное и вдохновляющее общение нас тоже сильно скрепляло и подбадривало. "Дейтами" назывались свидания по субботам. Каждому брату и каждой сестре давался "вызов" – приглашать других братьев и сестер на свидания, все время разных, чтобы общаться и узнавать всех, строить отношения. Конечно, эти свидания были исключительно целомудренными, это дружба, совместные прогулки, ни в коем случае не вдвоем, и не за закрытыми дверями. Всегда в компании других таких же братьев и сестер со своими "дейтами". Нужно, правда, сказать, что не все так истово исполняли этот совет. Один бывший член ЦХ недавно сказал мне, что некоторые сестры, которые уже по нескольку лет были в ЦХ, говорили (когда у них речь заходила о правилах общения братьев/сестер), что они вполне могли позволить остаться с братьями наедине и гулять с ними тоже. И вообще давали понять, что они считают эти правила нелепыми. То есть, относились они к этим правилам достаточно иронично: ну есть такие правила в церкви, а ты что, хочешь жизнь свою всегда по правилам строить? Лично я относилась ко всем этим правилам серьезно, наверное, мое доверие к самой себе

было очень низким в то время, а доверие лидерам (я думала – Богу) – высоким. Я и была, что называется, не критичной. Причем, речь не идет о "диссидентстве" некоторых свобододлюбивых учеников в плане грехов, но в плане неких нюансов этики поведения, принятой в ЦХ, тех же правил общения с сестрами. По наблюдениям, у студентов гораздо более свободное и ироничное отношение было ко всяким цх-шным правилам и явлениям, словно они хотели уйти от официальной давящей идеологии. Так вот свидания: очень веселое и чудесное время – пикники, игры на свежем воздухе, поездки за город или прогулки по Питеру, а зимой и у кого-то в квартире собирались большой толпой. Если кому-то понравилась какая-либо сестра, он начинал "строить с ней отношения", но обязательно с разрешения лидеров. Ходить вдвоем на свидания им разрешалось не каждую неделю, а раз в месяц. Потом лидеры (мужской и женский) узнавали, взаимны ли эти чувства. Если они были друг другу симпатичны, то начинали общаться плотнее, но все равно ходить на свидания обязаны были не только друг с другом. Это называлось "особенный брат" или "особенная сестра". Если лидеры позволяли, то они могли стать "другом и подругой". Это делалось очень красиво и романтично: брат предлагал сестре "будь моей подругой". Отказа не было, потому что заранее все это выяснялось через лидеров, согласна она или нет. Это было лишь красивой формой. С тех пор, как она официально соглашалась, эта пара начинала ходить на свидания только друг с другом. Если отношения у них были хорошие, по крайней мере, год, (особенно если они "духовно росли", но об этом позже), то лидеры могли позволить им стать женихом и невестой и готовиться к свадьбе. Брат в очень красивой и торжественной обстановке делал сестре предложение стать его невестой, а она соглашалась. Отношения до самой свадьбы продолжали оставаться целомудренными. Когда рассказываю об этом людям, им трудно поверить, что кто-то из нормальных современных людей согласится на такое добровольное ограничение свободы в своей личной жизни. Но мне-то как раз очень понятно, почему мы соглашались и чем гордились. Многие из нас, подобно мне, уже потерпели поражение в борьбе со своими юными страстями, и нам искренне хотелось чистоты. Мы и в самом деле радовались, что наши отношения "абсолютно чистые", мы частенько говорили об этом не членам ЦХ ("мирским людям" или "не-ученикам", как мы их называли), доказывая истинность нашей веры. Вот, мол, мы так можем, и вы – нет, потому что мы с Богом! И у нас нет разводов! И у нас нет измен! У нас нет курения! И нет пьянства! Конечно, члены ЦХ не грешили этими грехами. Потому что если вдруг кто-то в подобные грехи впадал, он тут же из общины исключался, если не каялся сразу. Ни о какой "терпимости ко греху" в общине учеников не могло быть и речи. Теперь о "духовном росте". В понимании лидеров ЦХ, он состоял в том, что человек приводил много людей, крестил многих, становился лидером над "беседой" (это небольшая группа учеников), которую он "вел", проповедовал там, организовывал встречи и контролировал духовную жизнь других учеников. Выше были лидеры "зоны" (это слово потом было отменено и заменено на "группы"). Это несколько бесед из одного района города или учебного заведения. Были группы рабочих и группы студентов, а также группы подростков – "петербургские тигры". И еще "детское царство" – дети учеников, с которыми тоже проводились специальные детские развлекательно-религиозные программы и занятия. Ответственностью лидера было духовное состояние всех его "пасомых". Помню такой эпизод, как я принуждала сестер проповедовать, корила их, старалась вызвать их ревность; сама-то я бегать по улицам не уставала, и общаться с людьми очень любила. Но сестры, менее общительные по натуре, очень страдали от такого напряжения, и уставали. Не все же были «горячими», о чем тоже скажу попозже. Мне казалось, что они ленивы, себялюбивы, не любят Бога, и я делала им "вызов". Подобным же образом мог действовать мой лидер по отношению ко мне. И, конечно, столкновения случались. Помню, я торопилась на встречу с сестрой-лидером, с коляской (тогда родился мой первый ребенок). И немножко опоздала. Сестра отчитывала меня очень сурово и неприязненно. Я возмутилась, так как при всем стремлении к смирению, натура-то моя и

мои страсти не изменились нисколько. Мы с сестрой поругались, я не смирилась и получила "вызов": "Сестра, ты гордая, тебе надо раскаяться!". Вообще "ты гордый" – это было, наверное, самым страшным обвинением, которое мы могли бросить в лицо друг другу. Все боялись быть гордыми, зная, что *"Бог гордым противится, а смиренным дает благодать"* (1 Пет. 5:5). И мы старательно выпалывали из себя гордость, как могли. Помню, была сестра, которая рассказывала, как она каялась в том, что у нее "гордый взгляд". И она, правда, очень старалась, сильно изменила себя: когда мне довелось узнать ее, она была кроткой и мягкой в обращении. Столь же серьезным было обвинение в критичности. "Критичность – это грех!" – заявлялось категорически. И мы стеснялись даже мыслей своих критичных, если они возникали в голове, считая, что они от сатаны. Мы обязательно исповедовали лидерам и вообще друг другу свои грехи, не только действия, но даже помыслы, одним словом, были "полностью открыты". Верили, что таковая распахнутость – гарантия того, что ты останешься «на свету», и тьма не сможет тебя захватить. Сейчас, анализируя, я не вижу в этом ничего нелепого. Наша "полная открытость" была гарантией безопасности для нас самих, что мы сохраним свою чистоту и устремленность, что сомнения, если они появятся на горизонте, вовремя будут выметены из сознания заботливой наставнической рукой. И, конечно, это гарантия лояльности к сообществу, крепости нашего братства. Мы были "полностью преданы" нашему "Телу-Церкви", "вызов" был быть на каждом собрании, на каждой встрече. Также серьезным грехом считалось быть "теплым" (аналог православному понятию "теплохладный"). "Брат, ты теплый", – имелось в виду, вялый, «неотдающий», ленивый, недостаточно эмоционально отзывчивый и активный. Стать «горячим» — вот что требовалось и считалось правилом! И ведь как старались! Как искренне каялись в своем природном устройении иные скромные нелюдимые ребята, как становились общительными и улыбчивыми. Замкнутые, не умеющие общаться раскрепощались, приобретали множество друзей и социальный опыт, а также уверенность в своих силах. А вот поощрением могли служить слова: «Сестра, ты такая классная, служащая и отдающая!», «Брат, ты очень любящий!» Кстати, моя преданность, как мне казалось, была полной, но настал момент, когда и мне был сделан "вызов" по поводу "непреданности". Дело в том, что я работала и училась на вечернем отделении в Академии Культуры. Каждый вечер - лекции. А собрание на неделе в среду было в 19 часов. Я ехала туда сразу после окончания лекций, чтобы успеть хотя бы к концу. Но сестра-лидер зоны строго сказала мне: "Ты не бываешь на каждом собрании. Тебе надо покаяться". Я пояснила, что учусь и приезжаю каждый раз к концу собрания, но та сестра начала вести речь о приоритетах и о том, что для ученика ничто не может быть важнее преданности Телу. Никаких отговорок быть не может! Сестры, работающие на церковь, например, считали, что они могут не приехать на собрание, только если не могут стать на ноги, с температурой 40, а в иных случаях, даже больными – обязательно ехали и служили. От других, разумеется, ожидали того же. В том разговоре, помню, я разнервничалась, обиделась и спросила, что мне, мол, бросать вуз? Сестра-лидер сказала, что это дело моей совести, мне надо самой принять решение и так далее. Вот так я и бросила учебу. Конечно, была буря со стороны мамы, но я ее стойко выдержала. Скорее, мой уход из «культка» был для меня желателен еще и потому, что мне не нравился библиотечный факультет, учиться было скучно, и я не могла сдать английский, а тут еще сестра-лидер в непреданности вызывает. Я сказала себе, что это воля Бога, и бросила. К счастью, я получила высшее образование, именно такое, к какому стремилась – педагогическое, но это случилось позже, когда мне было 30 лет, и я уже ушла из ЦХ.

Еще одно замечание по поводу "полной открытости", "полной преданности", "горячести" – весь этот фанатизм воспринимался нами как бескомпромиссное отношение к греху и подлинная любовь к Богу. *"Да – да, нет – нет, а что свыше того, то от лукавого"* (Мф. 5:37). *"Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия"* (Лк. 9:26). *"И они тотчас, оставивши свои сети,*

последовали за Ним" (Мк. 1:18). И в других отрывках Писания говорится об этой бескомпромиссности, самоотречении и служении Христу, необходимости всю свою жизнь подчинить Ему. Но была ведь и другая сторона фанатизма. В любви ко Христу, в познании Его воли никто из нас еще не возрос, а на внешнем уровне мы все из кожи вон лезли, чтобы показать свою преданность и верность. Этот дисбаланс неизменно сказывался на психике. Надрыв, существование в постоянном лихорадочном возбуждении, этакий "маниакальный" тип религиозности – вот что мы практиковали на деле. Не все, конечно, как выше упоминалось, так уж сильно фанатели. У людей все же разная степень критичности и, напротив, внушаемости. Конечно, в ЦХ были и остаются люди, которые умудрились остаться глубокомысленными и самобытными. Но мне кажется, все-таки, большинство было захвачено общей эйфорией и фанатизмом, стремлением выложиться и показать себя на все сто. Фарисейства, гордыни в этом тоже было немало. Ничего хорошего, особенно для людей возбудимых и нервных, это не приносило. К нам ведь приходили и откровенно больные люди – в том числе и психически. Не всегда сразу можно было разглядеть, что человек страдает душевным недугом, а справки никто не спрашивал. И вот такой молодой человек или девушка, крестившись и начав испытывать подобное давление и прессинг, все эти "вызовы" и призывы жить на пределе своих возможностей, вдруг срываются. Возвращаются галлюцинации, приступы, которые было прошли. Возникает, например, обострение шизофрении, а приходили они к нам в ремиссии. Я знаю такие случаи. Одну девушку крестили, она сорвалась в болезнь, мама ее потом угрожала подать в суд на ЦХ, но так и не подала. Сестры-лидеры были очень напуганы. Но, конечно, никаких выводов никто не сделал. Я и сама не вполне уравновешенный человек, с холерическим темпераментом, подвижной нервной системой. И помню свои собственные колебания настроения, впадения из крайности в крайность – от эйфории до депрессии. Осенью 1993 года было произведено "подрезание". Это акт "зачистки" церкви от недостаточно преданных адептов. Само слово «подрезание» – из Евангелия от Иоанна 15 главы, где Бог сравнивается с виноградарем, а люди – с виноградными лозами, которые Он подрезает, чтобы больше лоза принесла Ему плода. Все выгнанные в эту кампанию за недостаточную преданность собраниям (пропуски) или за то, что не приводят давно гостей на собрания, или за другие грехи разной тяжести, были именно "подрезаны". Также автоматически перестали считаться членами церкви те, кто и сам уже охладел, были же и такие люди. Концепция была такова: через "подрезание" церковь очищается и начинает "плодоносить". Да, это больно, но иначе нельзя, ведь на первом месте у нас Бог, а не человеческие чувства. Мы должны приносить Ему плод, в этом наша основная задача, а если мы не приносим плод, нас только в огонь бросить, нет с нас никакого толку тогда. Такие вот идеи. Помню, как это было ужасно и болезненно для многих, кто привязался к церкви и кого выгнали таким образом. С «отрезанным» нельзя было общаться, только задавать вопросы, хочет ли он покаяться и вернуться к Богу, а более – ни на какие темы. Даже если это член твоей семьи. Вернуться было можно, но если ты "принесешь плод покаяния", то есть начнешь приводить людей, заниматься с ними Библей, крестить их. Или перестанешь быть гордым. Или еще как-то докажешь, что ты раскаялся в своем грехе, поговорив с лидерами. Многие уходили, но возвращались, так как сложно было жить без этого братского общения. Кто-то срывался порой в старые грехи (курение, пьянство, половую распущенность), но потом иные каялись и возвращались. В ЦХ и до сих пор иногда возвращаются люди, которые долгие годы жили без нее. Видимо, такого общения, единства и обезоруживающей искренности людям найти нигде больше не удастся. Помню свое душевное состояние на некоторых собраниях. Особенно когда я стала "лидером беседы". Дерик на собрании лидеров орет громким голосом про то, что мы грешим, у нас нет плодов, мы должны раскаяться, в общем, распекает нас гневно и ужасно. А он этнический испанец или латино-американец, очень темпераментный человек. Слушаю это в полнейшем оцепенении. Потом рыдаю и хочу умереть. Дерик умел запугивать Божиими

карами. И так - на каждом собрании. Когда я перестала "вести беседу", мне стало полегче. Видимо, "высокая ответственность" не для меня, я воспринимала эти вопли и "вызовы" слишком серьезно и понимала, что не понести мне этого. Но на обычных собраниях для всех учеников я, даже уже выйдя замуж, иногда переживала подобные терзания, когда со сцены звучали какие-то очередные "вызовы". Мой более трезвый и хладнокровный муж мне говорил тогда: "Учись разбирать, что имеет к тебе отношение, а что нет. А то ты слушаешь, и абсолютно все принимаешь на свой счет". Да, у меня была такая странная психическая деформация: все, что я слышала со сцены, из уст проповедующего брата, цитирующего Библию, я относила на свой счет напрямую. Считала, что это Бог говорит со мной через него и "вызывает" меня. Бывало очень страшно и тяжело. Подобные ощущения испытывали очень многие ученики Христа. Сейчас, уже будучи определенное время в Православии, я и в нашей Церкви вижу людей с таким же душевным устроением: склонных к зависимости от наставника (батюшки или старца), воспринимающих его слова идолопоклоннически, не умеющих критически мыслить, скатывающихся в фанатизм. Именно такие люди быстрее всего попадали в ЦХ. Но не только. Были и тусовщики, правда, их надолго не хватало, им быстро надоел этот прессинг, и они уходили. Были просто одинокие, обычно среднего или пожилого возраста, печальные люди, которым нужно было человеческое тепло и забота. Но и еще тип людей я увидела в ЦХ: амбициозные люди, которым нравится власть над другими. Сложно сказать, с той ли искренней верой они относились к каждому слову своего наставника, учащего их «правильно» читать Библию, но вот властвовать над людьми они научились и вполне упивались этим. Я не столкнулась в своей сектантской жизни с откровенными властолюбцами, которые бы сильно мне повредили, кроме пары раз, о которых тут пишу. Или моя наивность и "розовые очки" не позволили мне этого увидеть, но у других людей был такой опыт. Например, лидеры проявляют заботу и внимание до поры до времени, пока ты нужен, пока ты силен и успешен (в цх-шном понимании): приводишь людей, активен на собрании, поддерживаешь "линию партии". Но когда у тебя случается беда, как у одной сестры, которая искала духовной поддержки для своего ослабевшего духовно мужа, то тебя иронически посылали подальше или проявляли откровенное равнодушие. Могли забыть приехать на встречу, не заметить и так далее. Слова о христианской любви в таком случае становились лишь словами, и люди сильно разочаровывались. Кстати, манипуляция с Библией в руках – это ведь тоже прием властолюбцев. Каждый «вызов», упрек в чем-то нежелательном в твоём характере или поведении сопровождался открыванием Библии на нужной странице. Типа, ты же видишь, это не я тебя учу, это Бог тебе говорит. Это называлось «провести время учения» со своим наставником. В целом я не считаю ЦХ лицемерным сообществом, где говорят одно, а делают другое. Больше подойдет слово «прелесть», как говорят православные, или самообольщение, самовоспламенение. Также я не верю в то, что тут все дело в деньгах, поборах и в том, что «американцы хотят нас захватить через секты». Такое мнение от православных я слышала. Нет, это не так. То, что мы сдавали 10 процентов своего дохода в сбор, меня как раз несколько не смущает. Да если бы каждый православный христианин так поддерживал свою общину, отдавая десятину, которая, по словам моего духовника, вовсе не была отменена Новым Заветом, это ведь было бы прекрасно! Так что дело не в корысти. ЦХ – откровенно еретическое сообщество, хотя даже так его вряд ли можно назвать, поскольку никогда оно не являлось Церковью. Самоорганизовавшаяся группа, осколок "Традиционных церквей Христа", которые основаны были в Америке в XIX веке, продолжали откалываться и откалываться, и до сего дня продолжают. Несколько лет назад его лидер Кип Маккин уже основал новое движение, посчитав ту ЦХ, которую когда-то сам начал и в которой я как раз пребывала, не истинной: не горячей, умершей, не плодоносящей. И начал все по новой, вновь команды миссионерские посылает, даже в те города, где его же "старая ЦХ" живет и действует.

Дружба, любовь, семья

Итак, я ходила на свидания с разными братьями, среди них были и "особенные". Помню, мне страстно хотелось стать "подругой", выйти замуж за настоящего христианина. Вскоре мы с моим будущим мужем познакомились, довольно быстро выделили друг друга. Он только что крестился в то время, а я уже год была в ЦХ. Это было в 1994 году. У меня есть чудесные черно-белые фотографии того периода. Печатал муж. Он фотографировал меня, когда мы ходили на свидание совместно с другими учениками в Ботанический сад. Лето, мы молодые, веселые, беззаботные. А я тогда и не знала, что нравлюсь ему. С удовольствием просматриваю те фотографии. Нам разрешили стать "другом и подругой", мы начали ходить на свидания каждую неделю вместе и узнавать друг друга лучше. Это время светлое, довольно радостно его вспоминать, так как дружба с будущим мужем – то, о чем я мечтала и как, собственно, я и хотела строить свою настоящую семью. Сначала узнать его как человека. Так и произошло, и мой идеал целомудренных отношений был воплощен. Мы гуляли, разговаривали, обменивались письмами, тогда еще писали их вручную, а не по электронной почте, как это принято сейчас. Он знакомил меня с той музыкой, которая ему была близка, а я его – с теми книгами, которые мне нравились. Его внутренний мир интересовал меня, а мой – его. Мы молились вместе, делились своим изучением Библии друг с другом. Мы именно дружили, и, как ни странно, у нас не было никаких таких острых искушений. Хотя и мы немного нарушала правила общения братьев и сестер: например, целовали друг друга в щечку при прощании. Я делала это с удовольствием, не испытывая никакого чувства вины, понимая, что в этих поцелуях нет похоти, а есть именно человеческая любовь и искренняя симпатия. Через год мой друг сделал мне предложение, в 1995 году, под Новый год, мы поженились. Кстати, вот зарисовка на тему лидерской власти в ЦХ. Не вспомню уж ситуацию, но у нас случился конфликт с семейной парой лидеров, которые "вели" нас с моим женихом. А мы были лидерами над группой или беседой, сейчас уж и не помню. Состоялся тяжелый разговор вчетвером. Наши наставники, особенно сестра, стремились заставить меня признать свою неправоту и покаяться в гордости. Это не происходило, как происходит у обычных людей, на равных, в каком-то споре или аргументированной беседе. Нет, мне было сказано категорически и очень жестко: "Ты грешишь. Сейчас ты признаешься перед нами, что ты грешишь, что ты неправа, что ты гордая. Иначе ты не сможешь выйти замуж". Я была настолько поражена, возмущена этим насилием над личностью, полнейшим неуважением ко мне, к моей воле, к моему мнению, что сидела и молчала. Я не могла ничего сказать, и никакого желания "каяться" в том, в чем мне приказали каяться, у меня, естественно, не было. И вот мы сидим вчетвером, в кругу, на меня в упор смотрит сестра-лидер, и все ждут моего ответа. А я молчу. И мы сидели так долго в полном молчании. Давление становилось невыносимым. Я и в самом деле была напугана, что жениться нам не разрешат. В конце концов, не выдержав, разрыдавшись, я попросила прощения за свою гордость, повторюсь, сейчас уж не помню в чем выражавшуюся. Меня обняли, утешили, сказали, что все нормально, аминь сестра, Бог прощает тебя и так далее. Но в моем сердце осталось унижительное ощущение, жестокость по отношению к этим людям, которые силой, а не убеждением, используя шантаж, давя на самое чувствительное и важное для меня, заставили меня признать то, чего бы я ни за что в свободных условиях не признала. Вот так "обламывали" гордецов ЦХ. Не только со мной так поступали, и это мне тоже известно. Если твое мнение не соответствовало мнению вышестоящего лидера, он легко мог обвинить тебя в гордости, критичности, отсутствии смирения, открыть Библию, прочитать пару отрывков в доказательство своей правоты и даже отрезать от церкви. К счастью, от нас с мужем отстали, мы благополучно женились. Причем, для нас бракосочетанием являлось само венчание (мы его не называли венчанием, а называли "церемонией брака"), а не роспись в ЗАГСе. Поэтому, расписавшись, мы еще не считали друг друга мужем и женой и поехали

по домам, ожидая нашей свадьбы через несколько дней. Я с большим трепетом ждала этого дня, думаю, муж мой тоже. Помню, мы с подружкой, свидетельницей на свадьбе, ночевали у меня, чтобы она утром помогала мне с прической. Так вот, лежа на одном диване, стараясь уснуть, тихо, чтобы не мешать одна другой, ни одна из нас так и не уснула. Она думала, что я сплю, а я думала, что она спит. Таким трепетом был для нас брак, наш настоящий, чистый, "построенный на Христе", брак. Моя дорогая подружка была счастлива за меня и сама ожидала предложения руки и сердца. В следующем же, 1996, году и они с другом поженились, тогда уже я была свидетельницей на ее свадьбе. Считаю ли я нашу свадьбу венчанием? Да, мы с мужем так считаем. Поэтому в православном венчании, уйдя из ЦХ, не видели никакого смысла. Наше решение было твердым и добровольным, стоя перед Богом и перед свидетелями мы исповедовали это и молились за наш брак. Нас благословляли библейскими словами о мужьях и женах, об их обязанностях друг по отношению к другу и к Богу. Мы давали обещания друг другу быть вместе "для лучшего и для худшего, в богатстве или в бедности, в болезни или в здоровье до смерти мы неразлучны". Это было, и никто не может это обесценить для нас. Благословил ли Бог наш брак? Как мы можем это сказать, если мы еще не стоим перед Его очами? У нас есть дети. Мы вместе до сих пор. И верим, что всю жизнь пройдем рука об руку, хотя наш брак далеко не совершенен и у нас, как и у других людей, всегда много претензий друг другу, много борьбы, ожиданий, разочарований, конфликтов и примирений. Главное – мы понимаем друг друга и говорим на одном языке.

Вероучение

Внятного изложения учения, помимо примитивных "Первых принципов", в ЦХ не зафиксировано. Богословские нюансы – это вопрос мнений, кто как поймет из Библии, так и будет считать. То есть, жесткость идеологии ЦХ связана не с богословскими тонкостями, а с вопросами чисто дисциплинарными или нравственными. Веруют ли члены ЦХ в Пресвятую Троицу? Непонятно. Многие моменты указывают, что неосознанно, сами того не подозревая, они переняли подлинно христианское учение о Триединстве Бога. По крайней мере, не утверждают, подобно свидетелям Иеговы, что Христос – творение. Хотя третье Лицо Троицы – Святой Дух – воспринимается скорее как некая сила. Получается, в ЦХ веруют в Двоицу, а не в Троицу. Веруют в непорочное зачатие Пресвятой Богородицей Христа-Бога, но не называют Деву Марию Богородицей. В ее Приснодевство не веруют, считают, что она жила в браке с Иосифом после рождения Иисуса Христа, как любая другая женщина, и рождала детей. Литургии в ЦХ нет, Евхаристии тоже, но существует Причащение. Не таинство, а воспоминание о смерти Христовой. Оно по традиции тоже происходит в воскресный день на службе. Священства нет, таинств тоже, иконопочитание жестко критикуется. Священное Предание воспринимается исключительно как "бабьи басни", ему не уделяется никакого внимания. Хотя это и странно, потому что именно из Предания пришли в саму ЦХ некоторые истины: о Боге Иисусе Христе, например. Потому что в Библии в отрыве от христианского Предания можно увидеть что угодно: свидетели Иеговы умудряются же увидеть во Христе Архангела, а не Бога. То есть, твердая вера в то, что Христос есть Бог, пришла к протестантам именно благодаря Священному Преданию, хотя они этого и не осознают, думают, сами догадались. Детей цх-шники, как и другие протестанты, не крестят, воспринимая Крещение как "обещание Богу доброй совести" или некий договор, который возможен исключительно во взрослом, осознанном состоянии. Молитва в ЦХ очень эмоциональная, идет "от сердца" или от разума, сочиняется в уме спонтанно, когда человек начинает молиться. Объяснение такое: "Молитва – разговор с Богом, разговор должен быть живым, как это я могу разговаривать со своим Папочкой чьими-то чужими, записанными словами?" Помню, мы с мужем проводили «время учения» с женатыми лидерами группы, ночевали с ними в одной квартире. Утром из соседней комнаты я

слышала, как молится брат-лидер. Это был крик-молитва, к самом буквальном смысле. 15 минут был слышен вопль во всю силу легких. Самостоятельное накручивание себя на сильные эмоциональные переживания, которое называлось «молитвой», для меня сомнительно, но именно такие – «горячие» молитвы считались лучшими, чем тихие и «вялые», спокойные. Хотя признавались молитвы при помощи Псалмов, которыми можно "перемежать" индивидуальную молитву. За усопших в ЦХ не молятся, не видят смысла, так как считают, что это ничего не изменит: человек умер – Бог все с ним уже решил, какой смысл о чем-то Его просить? Традиции просьбы к Богу об упокоении дорогих умерших в ЦХ нет. Почитания святых тоже нет, так как "святыми", согласно посланию апостола Петра, считается каждый ученик, член церкви. *"Вы же род избранный, священнослужители царские, святой народ, принадлежащий Богу"*, (1 Пет. 2:9). Исповедь друг другу основана на отрывке из послания к Иакову 5:16.

Открытие Церкви

В нашем кажущемся открытым и радушным, но идеологически очень жестком и закрытом сообществе существовало правило: не читать религиозных книг других конфессий, например, православных. Чтобы не вводить себя во искушение "ложными учениями". Православная Церковь нередко критиковалась за все то, за что ее критикуют сами православные. За народные языческие традиции, которые иногда люди путают с благочестием; за обрядоверие; серость прихожан, даже Библию не читающих; за безнравственный образ жизни членов Православной Церкви, которые и после Крещения порой ничего в нем не меняют. Мы всегда с презрением и брезгливостью наблюдали, например, за курящими православными. О, мы высоко ставили свою внешнюю "праведность". Также ПЦ всегда критиковалась за иконопочитание, которое называется цх-шниками идолопоклонством. За целование руки священнику, за то, что его называют "отцом", хотя Писание велит никого "отцами" не называть, и за многие другие, всем известные противоречия между протестантизмом и Православием. Меня лично всегда отталкивало то, что я считала Православие всего лишь национальной, народной религией. О том, что это Вселенская Церковь, не было никакого представления. Тем более что это сектантское мнение нередко активно поддерживают сами невежественные православные. Мы «обращали» людей, но порой встречали православных, которые стремились обратить нас. Аргументы бывали такие: «Ну, ребятки, ну как же так, ведь вы же русские! А ходите в американскую секту! Мы русские, мы должны быть православными, так верили наши отцы». Жаль, что такие православные не понимали и не понимают, что для интернационалиста, даже не только протестанта, подобные аргументы просто смешны. Как раз то, что вера – русская, и доказывало в наших глазах ее неистинность. Потому что не может Бог быть Богом русских. Бог – Господь над всею землею, над всеми народами, и Церковь, естественно, не может быть узко-национальной, это вообще не ее задача: быть скрепляющим нацию институтом. Подобные заблуждения и сейчас я вижу у многих православных, и мне искренне жаль, что они сами не знают своей веры.

В начале 2000-х вдруг случился кризис внутри ЦХ. Интернет пришел в нашу жизнь, ученики тоже начали выходить в сеть и читать разные материалы и статьи, открылся сайт "reveal.ru". Это была площадка для критики МЦХ, где общались и ушедшие, и сомневающиеся ученики. Там и поныне лежит немало свидетельств разных братьев и сестер, покинувших Бостонское движение. Там же многие из нас прочли письмо Генри Крита 2003-го года про системные грехи внутри ЦХ. Эта информация была настоящей бомбой, шоком для многих из нас, уверенных в чистоте, непорочности и правильности нашей "истинной церкви". Начали задавать вопросы лидерам, на которые те предпочитали не отвечать. Со сцены стали звучать проповеди на тему "горьких корней". Считалось, что вот, существуют люди, которые из-за своих грехов обвиняют церковь, у них в сердце "горькие корни", они критичные, поэтому не следует их слушать, поскольку

это может разрушить нашу веру, и мы потеряем спасение. Соответствующие отрывки из Писания были подобраны. Это очень похоже на позицию свидетелей Иеговы, которые категорически запрещали читать литературу "отступников". Например, мне не удалось убедить практикующего «свидетеля» прочесть книгу Реймонда Франца "Кризис совести", в которой тоже рассказывается о внутренних проблемах организации. В ЦХ было свое издательство "Ученик", нам присылались и продавались на собраниях «идеологические правильные» книжки американских авторов на различные темы: про веру, молитву, женщину Бога, мужчину Бога, детское царство, покаяние и тому подобные вопросы. В глазах простых учеников организация должна оставаться святой и непорочной, а всякий, кто может поколебать эту веру, шельмуется и смешивается с грязью. Хотя некоторые лидеры ЦХ тоже начали каяться. Да, были "перегибы на местах", да мы совершали ошибки, и так далее. В ЦХ произошли некоторые изменения, некая религиозная "оттепель", появилось более мягкое и гуманное отношение к людям, снизились требования, лидеры начали больше работать над отношениями внутри общины. Наша вера и уверенность в том, что мы находимся в истинной церкви, несколько поколебалась. Стало понятно, что не стоит нам так-то нос задирать, например, перед грешниками-православными, ведь если копнуть – и у нас не лучше, и руководство тоже грешит и лицемерит. Помню наш разговор с мужем, когда мы растерянно вопрошали друг друга, что же нам делать, куда же идти, ну не в Православие же. Нет, конечно, только не туда, решили мы оба, и стали изучать вопрос дальше. Возникло много вопросов к лидерам, на которые далеко не всегда мы могли найти ответ. Главный вопрос, конечно, звучал так: "Если мы такие же грешники, как и другие деноминации и церкви, чем мы можем теперь подтвердить, что мы и есть Церковь Христова?" Мы пытались установить это по Библии, но возникало много недоумений, противоречий. Мы уже начали понимать, что трактовать отрывки можно по-разному: вырывая из контекста, подстраивая под нужные тебе идеи, например. Несуразности и несостыковки, невозможность найти удовлетворяющий ответ на свои вопросы, в конце концов, привели нас к попытке искать ответы вне ЦХ. Книги цх-шных проповедников перестали удовлетворять нашу духовную жажду. Мы начали читать и православную литературу. До тех пор из всех православных авторов я без проблем читала только отца Александра Меня, так как его книги никогда не вызывали у меня сомнений, что ЦХ – церковь. Он не был опасен для моей веры, так как говорил обычно о каких-то общехристианских вещах, о нравственных вопросах или толковал Библию очень интересно, а сектантов никогда не критиковал. Теперь же я начала знакомиться с другой христианской литературой. Читала Клайва Стейплза Льюиса, который, кстати, нравился и многим другим ученикам. Особенно «Письма Баламута». Но вот в наши руки попала книга отца Андрея Кураева "Протестантам о Православии". Благослови Бог отца Андрея за эту книгу, потому что с нее-то все и началось. Как быстро и просто автор этой книги ответил на наши недоумения и противоречия! Он вполне удовлетворительно объяснил и крещение детей, и иконопочитание, и священство, и Священное Предание. Конечно, полной ясности не возникло, но, по крайней мере, мы хоть как-то компенсировали свое полнейшее невежество в религиозных вопросах. В голове появилась крамольная, буквально революционная мысль: а ведь Православие-то – не такая уж глупость и идолопоклонство, как мы думали. В нем есть глубина, смысл, его нельзя назвать противоречащим Библии, как мы до тех пор думали. Потом были книги аввы Дорофея, Феофана Затворника и митрополита Антония Сурожского. И другие книги диакона Андрея Кураева. Мне все больше начинало казаться, что вера православных как-то основательнее, серьезнее, что богословие в действительности куда более "правильное", продуманное, обоснованное и подлинно основанное на Библии, чем наше. Понимание недостаточности только Писания и несамодостаточности Писания тоже пришло именно тогда. Для полноты картины не хватало чего-то еще. Вот такими симпатизирующими Православию мы с мужем были в ЦХ еще какое-то время в 2004 году, наверное, с полгода. За это время мы встречались с разными лидерами, выясняли то, что нам было непонятно.

Например, неужели и правда, нельзя крестить детей? А ведь, пожалуй, можно, если родители христиане, потому что Крещение – не только лишь человеческий, но и Божественный акт. А мы его воспринимали исключительно человеческим, уповая только на нашу решимость. Но самый главный животрепещущий вопрос: неужели и правда, вы верите, что во всем многообразном религиозном мире мы одни являемся спасенными христианами? А все остальные заблуждаются и идут в ад? И так по множеству вопросов. Категорических ответов мы не принимали, это было недоказуемо, обтекаемые общие фразы наподобие «Это имеет отношение к твоему спасению, сестра?», ничего не проясняли. Устав от вопросов, нам однажды сказали так: "Ощущение такое, что вы вообще ни в чем не уверены", – это сказано было таким тоном, словно нам должно быть стыдно за нашу неуверенность. Тот брат, откровенно говоря, действительно считал сомнения грехом, да и не он один. Как удобно оставаться в ЦХ, если любые сомнения воспринимаются как вражеская атака и отражаются безо всякой возможности их критически рассмотреть и обдумать! Но мы и не подумали смущаться. "Да, не уверены", – простосердечно признали мы.

Возвращение в Православие

А потом через других ребят, ушедших некоторое время назад, и, как оказалось, ставших прихожанами православных храмов, мы получили приглашение посетить и одного, и другого батюшку. И решились на первую в жизни встречу со священником. Честному отцу спасибо, он был первым после секты, кто с нами говорил, кто нас не отпугнул, а, напротив, сумел привлечь своим дружелюбным отношением, а главное, желанием отвечать на наши вопросы, помогать разбираться. И вот возникло острое нерациональное, пока ничем не объяснимое желание тоже принадлежать Церкви. По здравом рассуждении мы с грустью вынуждены были признать, что при всей симпатичности нашего "движения", Церковью-то мы не являемся. Может быть, клубом любителей Библии. Может быть, орденом активных проповедников, но не Церковью. А нам не хватало именно Церкви. И это было не только в уме, это было уже в душе. Уйти из ЦХ в 2005 году «технически» было легко, не то, что в 90-х, когда буквально не отпускали, звонили, караулили и всячески убеждали раскаяться. Свой уход из ЦХ я уже описывала в разных других статьях, как и мои первые неофитские восторги, мое стремление к свободе и обретение этой свободы, нахождение "своего" прихода, где я и нахожусь поныне. Православное богословие, догматика, православные богослужебные тексты – можно ли сравнить ту красоту, глубину этих мудрых, просвещающих и исцеляющих слов (даже если речь вести только о словах!) с теми, которыми мы «питались» доселе? Православные Таинства, участие в настоящей Трапезе Христовой – как уподобить ее «воспоминанию о смерти Иисуса Христа», которое мы практиковали в ЦХ? Православные песнопения, которые сами являются молитвой – сравнить ли их с «двумя притопами, тремя прихлопами» примитивных песенок цх-шных служб? Наш голод утоляется, наши души разглаживаются, наши раны исцеляются, наша жизнь наполняется невыразимым смыслом — такое было чувство.

Но вот что интересно и что повторяется сегодня в моей жизни. Неофитский период для меня еще не закончился, так как нет еще и 10 лет, как я воцерковилась в Православии. Конечно, мы окрестили детей. Которые, кстати, сейчас не очень-то ходят в храм, только младшего, 10-летнего сына еще удается приводить. А старший заявил уже о необходимости личного выбора, с чем я и не спорила, хотя пыталась его поугуговаривать. Тут братья-протестанты могут быть совершенно спокойны: в православном Крещении ребенка нет никакого насилия над личностью, он на самом деле делает выбор самостоятельно, просто мы, воспитывая его в Церкви, причащая, уча, стремимся привить ему веру, и надеемся на то, что плоды этого воспитания возрастут в свое время. Безо всяких ножниц и отрезаний за «непринесение плода», потому что Виноградарь-Господь

гораздо терпеливее, чем истерически орущий о Божием гневе проповедник. И разве не то же самое происходит с любим, крещеным взрослым? Человек тоже сначала в очаровании, а потом его решение проходит испытание. Так же и с церковными детьми, которым обычно очень нравится в храме в детстве, они очарованы, а в подростковом возрасте церковь иногда начинает тяготить. Не всех, но такое нередко бывает. Правда в том, что такое бывает и с протестантскими детьми. Муж мой тоже сейчас посещает храм редко, что меня не может не огорчать. Но и это пришлось принять, потому что я хорошо понимаю, как он устал. Возможно, кто-то упрекнет его или осудит (о, брат теплый совсем стал), но я знаю, что такое усталость после периода религиозного фанатизма, и я молюсь о том, чтобы он приблизился к Богу уже совершенно на другом уровне. Я нахожусь в храме, исповедуюсь, причащаюсь, молюсь, активно общаюсь, моя общительность никуда не делась. Но мой образ жизни сегодня совершенно иной, чем был в ЦХ. Мне потребовались годы, чтобы успокоиться, и, наверное, реабилитация после ЦХ еще до конца не закончилась. Успокоиться – не значит "омертветь духовно", как понимали это слово в ЦХ. Странно, не правда ли, но «покой» в ЦХ – негативное слово, а выражение «брат, ты успокоился» означает, что брат потерял ревность по Боге. Успокоиться для меня – прекратить воспринимать Бога как неврастеника, который возьмет ножницы и отрежет меня, бросит в огонь, если я не буду приводить к Нему новых и новых людей, если у меня что-то не получится, не хватит сил. Изменился мой взгляд на Бога. Я не могу сказать, что у меня сейчас совершенно ясная картина, что я ощущаю всеми фибрами души Божественное присутствие. Этого нет, а если и есть, то редко. Я ощущаю некоторую затуманенность, и мне нужно время, возможно, и целая жизнь, чтобы научиться настоящему богообщению после тех заблуждений, в которых я пребывала. Вижу, что именно в этом причина кризиса, который постиг моего мужа, и не только его. Потеряв ту манеру общения с Богом или мнимое общение, которое мы восприняли в ЦХ, человек теряет: как найти равноценную замену и где ее найти, да и зачем. В Православии есть свои ужасы и смущения. Ведь не все и православные книги возможно для меня воспринять. Помню, какой странной показалась мне книга еп. Варнавы Беляева "Основы искусства святости", которую я на свою беду прочитала, едва придя в храм. Нет, мне не потянуть того, что предлагает еп. Варнава, Рафаил Карелин и им подобные. Уповаю всем сердцем на то, что Бог прощает и принимает меня, что Христос пребывает во мне благодаря Таинству Евхаристии. Потому что Он верен, а не потому что я достойна. Именно эта сломленность, которой не противоречит и радость, как ни странно, сейчас во мне. Я знаю, что ничего не знаю. Знаю, что нечему мне учить.

Забавный случай: сестра, ушедшая из ЦХ в Православие, как-то призналась: батюшка так здорово проповедовал, я едва удержалась от того, чтобы захлопать. Возникало иногда даже желание попроповедовать на улице, позвать незнакомых людей в храм. Надеюсь, в цх-шной прелести я более не пребываю: у меня теперь нет самонадеянного и панибратского отношения к Богу в молитве. И истерических молитв с воплями мне тоже не нужно. Нужна тишина. Мне претят всякие упрощения. Хотя и чрезмерных усложнений тоже не требуется. Чувствую, что в Церкви истина, она посередине, и не в крайностях. Сегодня мы столкнулись, благодаря информации о системных грехах внутри церковных структур, с той же проблемой, которая когда-то надломил нас в ЦХ. Но поскольку трезвости в восприятии Православной Церкви, по сравнению с очарованием церковью Христа когда-то, было куда больше, я не опрокинута навзничь этими горькими сведениями о чьих-то пороках и о тех или иных несправедливостях. Потому что основанием веры в Церковь для меня сегодня не является праведность всех до одного членов Церкви.

И в конце напишу нескольких слов, которые недавно я адресовала одному из действующих членов ЦХ в разговоре в сети. Мужчина удивлялся, ну почему столько критики и жалоб у ушедших, сохранили ли мы отношения с Богом? Ведь без Бога серая и однообразная жизнь. Но дело в том, что это иллюзия цх-шников, которые продолжают до

сих пор мнить себя самыми преданными богопоклонниками на земле. Так, видимо, им легче – до сих пор закрываться от правды этими психологическими защитами. А это привычный страх для члена секты: вот уйду и останусь один в злом и заблудшем мире. Друзья, свет, любовь – все это в церкви, а я все это потеряю. И ведь, в самом деле, у некоторых так и происходило. Некоторые супружеские пары разводились после ухода из ЦХ. Наверное, это покажется странным ученику из ЦХ, но после ЦХ есть жизнь! Нет никакой кошмарной серости и однообразия. Жизнь только сейчас расцвела множеством красок. И я увидела для себя возможность изменить многое к лучшему. Именно сейчас я выкарабкиваюсь из жесткого каркаса абсолютно категоричных убеждений обо всем: я стала бесчувственным "железным человеком" в организации, не будучи такой по своей натуре, т. е., изнасиловав свою натуру, но сформировалась такой, будучи с ранней молодости в ЦХ и участь "твердым убеждениям", "бескомпромиссности в борьбе с грехом". Но то, что за это можно выдавать и многое другое – можно лгать самим себе, чему неоднократно многие из нас были свидетелями, – говорить даже не стоит. С тем "богом", которому молилась в ЦХ, я отношений не сохранила. Вот сейчас я это осознанно говорю. Нет. Бога жесточайших жертв и самобичеваний я не знаю и не хочу знать. Я постоянно нуждаюсь в Боге по имени Любовь, который видит меня. (Я как Агарь: «*Ты – Бог, видящий меня*»). Мне нужно восстанавливать себя годами после ЦХ (и психологическое здоровье и физическое, т. к. наше тело связано с психикой и болеет от невыносимых напряжений – психосоматика). Сразу после ухода я еще страдала синдромом жертвы, которая благодарна своему насильнику. Знаете, как те, кто не смеет плохо сказать о насильнике даже после того, как их вывели из подвала. Я ушла – и радостно говорила, что, в общем, да все нормально в ЦХ, а уж люди-то какие золотые, но я, пожалуй, пойду. И говорила о ЦХ хорошее, всячески стремясь подавить всю боль и все травмы, вытесняя из сознания. Вспоминала хорошее, доброе, что было, подшучивала над самой собой. Оправдывала свои мотивы ухода перед друзьями из ЦХ, чисто интеллектуально объясняя их разницей во взглядах и т.д. Теперь я реабилитируюсь уже на другом уровне, куда глубже. Хотя суть-то не в самой ЦХ. Она просто есть. Такая, как есть. Поймите, я принимаю, что она имеет право на существование. И я знаю, что есть люди, которым там хорошо. Верю в это. Там хорошо, весело, прикольно подросткам (если их морально не изнасиловали в детстве, если у них были адекватные и любящие родители, и подростки психологически здоровы, а такое в ЦХ тоже бывает). Вот им очень здорово там, у них насыщенный досуг и отсутствие дурных компаний. Но такая организация все равно несет в себе много опасности для среднестатистического человека. Не все устойчивы и сильны. Не все пришедшие не имеют глубочайших детских травм, которые оказывают влияние на их сознание. Не все способны не сломаться под давлением. Не все могут противостоять насилию. А отрицать психологическое насилие совершенно бессмысленно: оно было. Если сейчас стало мягче, то все равно продолжается, на том стоит любое тоталитарное (с жесткой идеологией и нераздвигаемыми границами, с нетерпимостью к инакомыслию) сообщество, даже если время заставляет его рядиться в более "либеральные" одежды. Кто-то может, конечно, играть в эти игры. Может быть, для кого-то, кто поустойчивее, они пройдут без ущерба. Может быть, кому-то зависимость от группы спасительна, и эта зависимость вытаскивает их из чего-то более тяжелого и страшного. Кому-то группа является «матерью», дает чувство безопасности, снимает тревогу. Именно так я в юности сюда и попала: я жила в постоянной тревоге и страхе, без ориентиров, не понимала себя и враждовала с самой собой. Группа сняла с меня это бремя, взамен наложив другое. Тут только так: или свобода и опасность, или безопасность и тотальная несвобода. Как в тоталитарном государстве, такая же модель. О тебе заботятся, за тебя решают, тебе предписывают. От тебя требуется лишь послушание, полная преданность, энтузиазм, лояльность. Или ты полностью лишишься всего хорошего, что здесь есть. Да, мне тяжело от этих "эмоциональных дыр" в моей жизни, от того, что я вообще шла по этому пути, не могла по-другому спастись от витального страха

(страха перед жизнью). Но моя боль все равно теперь меньше, чем после ухода, когда я ее отрицала, а она меня мучила изнутри. Мне бы так хотелось, чтобы все ушедшие из секты по-настоящему, конструктивно компенсировались, нашли и себя, и свою устойчивость без желания впасть в нигилизм, проклясть религию в принципе, что иногда наблюдается после ЦХ. Такой у них выход боли, и я им сочувствую. Но все это очень грустно. Помогите всем Бог. Надежда на настоящего Господа Бога, не придуманного различными организациями, а просто Бога на небесах, есть всегда. А секта влияет на людей по-разному. После всего пережитого я понимаю, что секта – это своего рода проверка на вшивость. Это испытание и возможность увидеть себя. Увидев же, прийти с покаянием к истинному Богу Иисусу Христу в Его Святую Церковь.